Caucasian Science Bridge, 2021, Т. 4, №3 (13)

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

doi: 10.18522/2658-5820.2021.3.2

Научная статья

УДК 316.347(470.62)

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.3.2>**Ритуальное поведение городского населения Дагестана****Мадина М. Шахбанова¹**

¹Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Махачкала, Республика Дагестан, Россия
madina2405@mail.ru

Аннотация

Введение. Проблема религиозности и религиозного поведения актуализирована в научном пространстве на фоне усиления роли религии, стремления духовных лидеров проникать практически во все общественные сферы и стремления в них доминировать, что вызывает в массовом сознании неприятие и очень часто осуждение.

Теоретическое обоснование. Росту исламского компонента в российском пространстве способствовало изменение базовых основ российского социума, резкий переход от господствовавшей в обществе атеистической идеологии к иным мировоззренческим установкам. Однако для такого развития российского общества имела мощная платформа, ибо существовавшее декларируемое свободой совести в реальности невозможно было осуществлять. Соответственно, трансформация российского общества закономерно расширила границы для свободного функционирования культовых институтов, обеспечила доступ населения к религиозным знаниям.

Методы. Эмпирическое исследование проведено в 2020 г. методом случайного отбора. Объектом исследования является городское население. Предметом исследования выступает религиозное поведение городского населения Дагестана. Место проведения опроса – гг. Дербент, Каспийск, Махачкала, Хасавюрт, Кизляр. Основанием для включения данных городов в выборку исследования является территориальный параметр, который позволяет равномерно охватить северную, равнинную и южные административные образования. N = 563.

Результаты и их обсуждение. Анализ результатов авторского социологического опроса показывает, что исламское возрождение в Дагестане сопровождалось активизацией ритуального поведения населения республики, однако глубинное изучение культового поведения горожан показывает характерную им формальную религиозность: установлено существование несоответствия между базовыми исламскими постулатами в религиозном поведении и реальным ритуальным поведением опрошенного городского населения.

Ключевые слова

религиозное поведение; религиозная идентичность; религиозность; религиозные постулаты; городское население; ислам; исламское учение; религиозно-обрядовая сфера.

Для цитирования

Шахбанова М. М. (2021). Ритуальное поведение городского населения Дагестана. *Caucasian Science Bridge*, 4 (3), С. 18–27. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.3.2>

Ritual behavior of the urban population of Dagestan**Madina M. Shakhbanova¹**

¹Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia
e-mail: madina2405@mail.ru

Abstract

Introduction. The problem of religiosity and religious behavior is actualized in the scientific space against the background of the increasing role of religion, the desire of spiritual leaders to penetrate practically all social spheres and dominate there, which causes rejection and condemnation in the mass consciousness.

Theoretical justification. The growth of the Islamic component in Russia was facilitated by change in the basic foundations of Russian society, sharp transition from the atheistic ideology that prevailed in society to other ideological attitudes. However, there was a powerful platform for such a development of Russian society, because the existing declaration of freedom of conscience could not be implemented in reality. Accordingly, the transformation of Russian society logically expanded the boundaries for the free functioning of religious institutions, provided the population with access to religious knowledge.

Methods. The empirical study was conducted in 2020 by the method of random selection. The object of the study is the urban population. The subject of the study is the religious behavior of the urban population of Dagestan. The survey location is cities Derbent, Kaspiysk, Makhachkala, Khasavyurt, Kizlyar. The basis for the inclusion of these cities in the research sample is the territorial parameter, which allows to cover equally the northern, plain and southern administrative entities. N = 563.

Results and its discussion. The analysis of the results of the author's sociological survey shows that the Islamic revival in Dagestan was accompanied by intensification of the ritual behavior of the population of the republic, however, an in-depth study of the cult behavior of the townspeople shows their characteristic formal religiosity: the existence of an inconsistency between the basic Islamic postulates in religious behavior and the real ritual behavior of the surveyed urban population has been established.

Keywords

religious behavior; religious identity; religiosity; religious doctrines; urban population; Islam; Islamic doctrine; religious-ceremonial sphere.

For citation

Shakhbanova M. M. (2021). Ritual behavior of the urban population of Dagestan. *Caucasian Science Bridge*, 4 (3), P. 18–27. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.3.2>

Введение

Исследование религиозной сферы и отношения населения к вероисповеданию закономерно требует рассмотрения таких ключевых параметров как религиозность и выраженность ее типов, религиозная идентичность, культовое поведение, частотность ритуального действия и т.д. Исследование конфессиональной идентичности, по мнению религиоведов, должно осуществляться «в контексте 1. индивидуальной идентичности "как приобретение посредством религии собственного экзистенциального опыта" (Крылов, 2012, с. 27) и в контексте 2. социальной идентичности как принадлежность к определенному сообществу (например, мусульманской умме). При этом религия может выступать одновременно и как содержание, и как инструмент идентификационного процесса» (Павлова, Миназова, Хухлаев, 2016, с. 91). По мнению М.М. Мчедловой, «религиозная самоидентификация нередко определяется не столько по принадлежности к той или иной религии, сколько на основе соотнесения себя с определенной национальной культурой, образом жизни, в значительной мере сформировавшимся под воздействием данной религии ("русский" потому что "православный", "татарин", поэтому "мусульманин")» (Мчедлова, 2009, с. 99).

В современной науке существует подразделение типов религиозности, и большой вклад внес Г. Оллпорт, который выделяет внутреннюю и внешнюю формы религиозности: «люди с [внешней] ориентацией склонны использовать религию для своих целей. Они могут считать религию полезной по разным причинам – как источник уверенности и утешения, общения и развлечения, статуса и самооправдания. Свою веру они принимают не особо всерьез или же выборочно кроют под себя и более важные свои интересы. У людей с [внутренней] ориентацией религия – основной мотив. Другие потребности, хотя бы и сильные, они считают в конечном счете менее важными и пытаются приводить их к согласию с религиозными убеждениями и предписаниями. Свою веру они пытаются усвоить (internalize) и полностью ей следовать» (Allport, 1966; Allport, Ross, 1967).

М.П. Мчедлов к факторам повышения роли вероисповедания в Российском государстве причисляет «политические, правовые перемены в стране, ухудшение экономического и экологического положения, социально-политическую нестабильность, межэтнические противоречия, необходимость преодоления бездуховности, нравственный кризис, повышение национального самосознания, необходимость ограничить антигугу-

маные, разрушительные последствия прогресса» (Мчедлов, 2005, с. 69). При этом действительная приверженность и реальное следование религиозным предписаниям, иными словами, религиозность проявляется через различные типы и формы религиозного поведения.

Исследование специфики религиозного поведения современного верующего россиянина, независимо от исповедуемой религии, актуализировано по причине усиления роли религиозного компонента и религиозных организаций на постсоветском пространстве. Кроме того, «в массовом сознании есть стереотипы о религиозном поведении православных и мусульман: принято считать, что мусульмане более религиозны, чем православные, и отличаются более активным религиозным поведением. Распространено мнение, что православные более суеверны, чем мусульмане, что православные отличаются идейной эклектикой и религиозной неопределенностью. Что же касается ценностных ориентации, в СМИ часты рассуждения о противоположности систем ценностей у представителей этих двух конфессий. Такие рассуждения приводят к выводу о якобы неизбежном цивилизационном конфликте православных и мусульман» (Синелина, 2009, с. 89).

Наличие такого «противостояния» в религиозном сообществе обусловлено усилением роли религиозных центров, в том числе РПЦ и духовных управлений мусульман в российских регионах: «повышение социального статуса Церкви в российском обществе не вызывает сомнений у большинства ученых. Разногласия касаются в основном двух вопросов. **Первый:** Обусловлен ли этот процесс реальным изменением российского менталитета, ростом уровня и степени религиозности, или речь идет о поверхностной, модной демонстрации своего позитивного отношения к религии, связанного с ростом этнонационального сознания, поиском культурной идентичности? **Второй:** Какие последствия в долгосрочной перспективе развития социума влечет за собой наблюдаемая реконструкция религиозных отношений, не приведет ли она к клерикализации социальных отношений и межконфессиональной розни?» (Локосов, Синелина, 2008, с. 106).

Теоретические основы исследования

Исследование религиозности предполагает выявление ее взаимосвязи с поведением человека, установление «адекватных характеристик религиозности, тесно связанных с качеством и интенсивностью социальной деятельности» (Ильясов, 1987, с. 51), ибо «определение критериев религиозности представляет серьезную проблему как теоретического и методологического, так и практического характера, вокруг которой ведут ожесточенные дискуссии» (Лебедев, 2005, с. 153). Если обратиться к истории изучения положения религии в нашем обществе, то еще в социалистический период отечественные исследователи пытались найти наиболее приемлемый метод изучения религиозности населения, который позволил бы объективно охарактеризовать состояние их религиозного сознания и специфику религиозного поведения: «для измерения религиозности применялся показатель "участие в религиозных обрядах", который представлял собой сумму индикаторов, отражающих отдельные элементы культового поведения. Другой показатель религиозности – "вера в сверхъестественное" – суммируется из индикаторов, отражающих веру индивида в Бога и в отдельные положения теологической доктрины» (Ильясов, 1987, с. 50).

В отечественной социологии религии имеются и другие методы измерения религиозности: методика Д.М. Угриновича, включающая в себя 49 эмпирических показателя, корреляция которых определяет тип религиозности индивида (Угринович, 1985). Более упрощенную, по сравнению с методикой Д.М. Угриновича, подход предлагает Ф.Н. Ильясов: «более надежной и менее трудоемкой является процедура опроса, при которой необходимо задавать только 2 прямых вопроса: один измеряет признак "вера", другой –

"отношение к религиозной (атеистической) деятельности". Иными словами, по горизонтали размещают значения показателя "участие в религиозной (атеистической) деятельности", по вертикали – "вера" и пересечение этих строк показывает определенные типы религиозности» (Ильясов, 1987, с. 51).

По мнению И.Н. Яблокова, при классификации типов религиозности необходимы: «учет объема, содержания и уровня религиозного сознания, степень включенности индивида в религиозные отношения, интенсивность религиозного поведения» (Яблоков, 1979, с. 123).

В концепции Н.П. Алексеева «одним из центральных вопросов методики конкретного изучения религиозных пережитков любой социальной группы является вопрос о критерии религиозности» (Алексеев, 1967, с. 133) и далее «одни исследователи считают верующими лишь членов религиозных обществ, активно участвующих в их религиозной жизни, другие к этой категории причисляют всех, кто в той или иной форме признает существование сверхъестественных сил, третьи, отыскивая критерий, принимают во внимание целый комплекс представлений, чувств и обрядов и конструируют сложную, многоступенчатую систему оценок религиозности» (Алексеев, 1967, с. 133). Н.П. Алексеев считает, что «с учетом множества факторов, верующие и неверующие различаются по глубине их веры и неверия: среди верующих встречаются фанатики, среди неверующих убежденные атеисты. Эти группы различаются и по целостности, последовательности мировоззрения. Далеко не все неверующие последовательны в своих убеждениях. Например, многие из них отрицают существование нечистой силы, загробной жизни и другие элементы догматики. Непоследовательность мировоззренческих позиций неверующих может проявиться в признании ими сверхъестественных сил с очень ограниченной областью действия» (Алексеев, 1967, с. 134). На основе данных тезисов Н.П. Алексеев сформулировал классификацию типов, охватывающих «религиозных людей от активных и последовательных верующих до активных атеистов». При этом внутри данной типологии имеется следующая классификация: «верующие: активные/пассивные; колеблющиеся: последовательные/непоследовательные; неверующие: активные/пассивные» (Алексеев, 1967, с. 134).

Место конфессионального фактора, существование и степень выраженности религиозной идентичности, ее роль в жизни современного человека позволяют выявить социологические методы, иными словами, благодаря эмпирическому исследованию можно получить данные, подтверждающие и опровергающие те или иные утверждения. Более того, параметры измерения вовлеченности человека в религиозную жизнь позволяют в полной мере изучить не только степень веры и глубину религиозного мировоззрения, но и показать место и роль конфессии, ее институционализированных форм в жизни людей, носителей разных вероучений. Поэтому в рамках данного исследования выбраны несколько индикаторов, которые являются обязательными для мусульманина: «1. исповедание веры, то есть произнесение шахады вслух ("Нет божества кроме Аллаха, а Мухаммад – посланник Аллаха"), искреннее убеждение в ее истинности; 2. ежедневная пятикратная молитва (намаз); 3. соблюдение поста (Ураза) в месяц Рамадан; 4. хадж (паломничество); 5. закят (обязательная уплата налога, взимание которого предписано в Коране, а размеры обложения разработаны в шариате)» (Как принять мусульманскую веру...).

Существование вероучения предполагает наличие социальных образований, потому что «религиозные представления являются коллективными представлениями, выражающими коллективную реальность» (Ерекешева, 2008, с. 120). Следовательно, «так как категории мышления имеют религиозное происхождение, то они также должны принимать участие в том, что является общим для всех религиозных феноменов: они также должны быть социальными явлениями, продуктами коллективной мысли» (Ерекешева, 2008, с. 120). Т.е.

отсутствие необходимой социальной солидарности может привести к ухудшению нравственного климата, форм социального взаимодействия, следовательно, распространению деструктивных тенденций в обществе. По мнению В.И. Гараджы, «религия как миропонимание, основанное на вере в сверхъестественное, проявляется в первую очередь в создании людьми святынь (sacrum) и в использовании их в разнообразных интересах» (Гаражда, 2003, с. 338).

По мнению С.В. Рыжовой, «общественные ритуалы в отношении "священного", совершаемые коллективно, создают чувство группового единства и являются ключом к обеспечению позитивной социальной интеграции, так как оформляют выражение потребностей людей в поклонении и групповой сплоченности. В современных условиях это наблюдение в полной мере относится к практике коллективной молитвы в исламе, к православным коллективным религиозным обрядам и праздникам (богослужение, крестный ход, посещение кладбищ в дни поминовения)» (Рыжова, 2017, с. 57). Таким образом, можно утверждать, что человек принимая участие в религиозных обрядах и ритуалах, оказывается приобщенным к «священному», что для его религиозного сознания является очень важным.

Таким образом, в данной статье рассматривается ритуальное поведение городского населения Дагестана, интенсивность их культового поведения, корреляция типа религиозности и религиозно-обрядовой стороны.

Методы исследования

В данной статье использованы результаты авторского социологического опроса по изучению религиозной идентичности и культового поведения городского населения Дагестана. Методом исследования является случайный отбор посредством анкетирования – правильно ли я сформулировала. Опрос проведен в 2020 г. в гг. Дербент, Каспийск, Махачкала, Хасавюрт, Кизляр. Основанием для включения данных городов в выборку исследования является территориальный параметр, который позволяет равномерно охватить северную, равнинную и южные административные. Изучение ритуального поведения городского населения проведено с использованием методики исследования религиозности Ф.Н. Ильясова (показатели «участие в религиозных обрядах» и «вера в сверхъестественное») (Ильясов, 1987) и Н.П. Алексеева (классификация типов религиозности, которая подразделяет верующих на «активных и пассивных», колеблющихся на «последовательных и непоследовательных», неверующих на «активных и пассивных») (Алексеев, 1967). N = 563.

Результаты исследования

Сущность религиозности определяется такими индикаторам как 1. вера и 2. соблюдение религиозных предписаний, поэтому в рамках данного исследования, исходя из существования «традиционно верующий» и «номинально верующий», внимание было уделено анализу культового поведения городского населения Дагестана (см. табл. 1, вторая цифра в таблице в графе «Всего» – данные социологического опроса 2014 г.).

Эмпирические данные показывают, что реальное и декларируемое городским населением культовое поведение заметно отличается: так, доля постоянно посещающих мечеть менее 10 %, при доминировании суждения «я редко посещаю мечеть» (каждый третий опрошенный по всему массиву), причем данную позицию отметила почти одна треть опрошенных во всех подгруппах, за исключением подмассива убежденно верующих. При этом закономерным выглядит ритуальное поведение респондентов, которые самоидентифицируются как неверующие и убежденно неверующие, в то время как вопрос вызывает поведение подгруппы убежденно верующих и верующих, которые можно сказать равнодушны к религиозно-обрядовой стороне ислама. Среди предписаний ислама есть обязательные (фарз) и необязательные для соблюдения правила и предписа-

ния. Так, совершение пятикратного намаза является одним из столпов ислама и обязателен для исполнения: если больше половины опрошенных в подгруппе убежденно верующих регулярно совершает намаз, то доля таковых существенно меньше в подмассиве верующих, более того, одна пятая часть в данной когорте «вообще не совершает намаз». Далее почти одинаковая доля в подгруппе верующих и убежденно верующих постоянно читает религиозные тексты; однако, большая половина верующих выбрала суждение «я редко читаю религиозные тексты», а каждый пятый опрошенный в этой же подгруппе «вообще не читает религиозные тексты». Пост (Уразу), который также является обязанностью мусульманина, как показывают результаты опроса, регулярно соблюдает больше половины опрошенных в подгруппе убежденно верующих и одна вторая часть верующих, при этом каждый второй в подмассиве верующих и колеблющихся, одна пятая часть в подгруппе убежденно верующих «иногда соблюдает пост». Еще одно ключевое предписание мусульманства (выплата закята) регулярно осуществляет больше половины идентифицирующихся как убежденно верующие, каждый третий из подмассива верующих, а также в подгруппах колеблющихся (каждый девятый респондент) и неверующих (одна шестая часть); одна пятая часть убежденно верующих и каждый третий среди верующих нерегулярно выплачивает религиозный налог (закят). Видимо, в подмассив вообще не выплачивающих закят, по мнению автора, попала категория мусульман, которая не обязана его выплачивать.

Таблица 1

«Как часто Вы посещаете мечеть?», «Как часто Вы совершаете намаз?»,
 «Как часто Вы читаете религиозные тексты (Коран и т.д.)?»,
 «Как часто Вы соблюдаете пост (Уразу)?», «Как часто Вы выплачиваете
 религиозный налог (закят)?» (%)

Варианты ответов // Отношение к религии	Убежденно верующий	Верующий	Колеблющийся	Неверующий	Убежденно неверующий	Всего:
Посещение мечети						
Постоянно	17,6	4,1	0	5,3	0	8,6/5,5
Часто	25,9	17,7	7,0	5,3	0	18,9/16,2
Редко	28,8	32,8	30,2	31,6	11,1	30,4/35,8
Никогда	23,9	42,4	48,8	42,1	77,8	37,2/39,8
Частотность молитвы (намаз)						
Постоянно	84,9	50,9	11,6	5,3	0	57,2/44,6
Редко	5,9	19,9	34,9	15,8	11,1	15,5/13,5
Никогда	2,9	22,1	44,2	57,9	77,8	19,8/36,3
Чтение исламских текстов						
Постоянно	48,3	14,8	4,7	5,3	0	25,5/12,9
Редко	43,4	58,7	44,2	21,1	16,7	49,3/45,2
Никогда	5,4	22,1	44,2	68,4	77,8	21,0/34,9
Регулярность соблюдения поста (Ураза)						
Постоянно	76,1	41,3	9,3	0	0	48,9/39,1
Редко	22,4	45,8	46,5	15,8	16,7	35,3/35,4
Никогда	1,0	8,9	39,5	63,2	77,8	12,4/17,7
Регулярность выплаты исламского религиозного налога (закят)						
Постоянно	56,6	32,5	11,6	15,8	0	38,1/25,9
Редко	20,0	29,9	32,6	5,3	22,2	25,4/17,1
Никогда	14,1	27,3	44,2	57,9	66,7	26,1/28,5

Сравнение эмпирических данных по годам (2014 и 2020 гг.) показывает заметное уменьшение доли городского населения, которая соблюдала религиозные предписания, что позволяет сделать вывод об отсутствии сильной связи между религиозностью и ориентацией следовать религиозным (исламским) нормам, а это заново актуализирует постановку вопроса «Кого считать верующим человеком?». Более того, можно утверждать, что «несмотря ни на какие заявления о религиозном ренессансе, уровень религиозности изменился мало, знаменуя причастность к религии значительной части населения только на вербальном уровне» (Тощенко, 2003, с. 303).

Результаты исследования являются констатацией доминанты светского характера российского общества и государства. Вместе с тем, отождествление человека с определенным вероисповеданием, может быть, обозначением общности с культурно-цивилизационной традицией, чем с религией и ее правилами поведения. Основанием для такого вывода являются результаты опроса, демонстрирующие уменьшение количества лиц, которые строго следуют исламским постулатам и нормам поведения. Однако здесь возникает проблема соотношения веры и культового поведения: если человек строго не следует религиозным предписаниям при одновременной самоидентификации «я верующий», то к какой когорте его причислить? Данный вопрос активно обсуждается религиоведами, и автор придерживается позиции, что ключевым в данном процессе должно быть обозначение конкретно взятым индивидом своего отношения к религии – «верующий» и «неверующий», оставляя за пределами собственно религиозное поведение. Поэтому культовое поведение, соблюдение основных норм исповедуемого вероучения, по мнению автора, является личным делом человека, вернее эта область его личного взаимодействия с Аллахом (Богом).

Изучение нормативной религиозной практики городского населения Дагестана позволяет сделать вывод о том, что доля горожан, активно вовлеченных в религиозную жизнь, регулярно и тщательно соблюдающих базовые положения исламского вероучения по разным показателям (намаз, чтение религиозных текстов, соблюдение поста, посещение мечети) не очень велика, причем можно проследить противоречивое религиозное поведение именно в подгруппах убежденно верующих и верующих. В то же время несомненно, что когорта населения, придерживающаяся религиозно-обрядовой стороны ислама в повседневной жизни достаточно заметна, ибо она включает в себя достаточно широкий спектр ритуалов, которые являются существенными индикаторами измерения, во-первых, степени религиозности человека, во-вторых, его вовлеченности в религиозную культуру.

Для мусульманской уммы сопричастность к религиозной культуре исламского вероучения заключается в том, чтобы строго следовать его предписаниям, в частности, участие в праздничной религиозной культуре (празднование Ураза-Байрам, Курбан-Байрам, проведение мавлидов по значимым для мусульманства датам, поминание известных проповедников и т.д.). Далее к обрядовой стороне религиозности можно отнести и следование традициям, каковыми являются бракосочетание, имянаречение, обрезание, причем обрядовая религиозность предполагает обязательность коллективного действия и участие в групповых и общественных обрядах.

В настоящее время, обозначение официальной властью важности национальной идеи в формировании государственно-гражданской (русской) идентичности, сохранение культурного наследия и т.д. в полной мере поддержки в общественном сознании россиян не находит и для этого имеются объективные и субъективные причины, в частности, неудовлетворенность населения своим социально-экономическим положением, уровнем материального благополучия и т.д. Закономерно, что в такой ситуации в массовом сознании поддержку и понимание находят именно религиозные идеи и ценности, более того, в сложной ситуации конфессиональные символы и ценности способны осуществлять социальную консоли-

дации на различных уровнях (российский и региональный), особенно в субъектах, в которых население является носителем мусульманского вероучения. При этом демонстрация религиозной культуры вызывает нарекания со стороны общественности, особенно, нерелигиозной части населения с мотивацией возможной дальнейшей клерикализации российского общества, хотя «на уровне повседневности такая культурная обрядовая религиозность является, скорее, элементом культуры доверия (чем недоверия и цинизма), так как участвует в формировании установок убежденной нормативной этнической толерантности, выражающейся в готовности принять человека другой национальности в качестве гражданина России и жителя своего города» (Рыжова, 2017, с. 56).

Далее в рамках рассмотрения обрядовой религиозности городского населения республики интерес представляет обозначение ими социальной дистанцированности: так, больше половины опрошенных, как показывает проведенный опрос, практически во всех подгруппах, независимо от типа религиозности ориентированы на принятие человека иной конфессиональной принадлежности во всех социальных сферах, за исключением семейно-брачной – здесь респонденты подчеркивают важность вероисповедания брачного партнера.

Так сопоставление между собой вопросов «Для Вас важно вероисповедание брачного партнера Ваших детей?» и «Вы допускаете возможность заключения брака с человеком другой религиозной принадлежности?» показывает, что при обозначении важности конфессиональной принадлежности, возможность заключения межрелигиозного брака допускают 21,2 % опрошенных, а 57,7 % респондентов, которым важна религиозная принадлежность будущего брачного партнера против заключения межконфессионального брачного союза. Далее респонденты, для которых религиозный фактор не имеет значения в семейно-брачной сфере толерантны в отношении вступления в брак последователей разных вероисповеданий (60,6 %). Таким образом, сравнение результатов двух вопросов показывает, что опрошенное городское население последовательно в своих позициях в отношении межрелигиозного брака: они не готовы принять носителя иного вероисповедания в ближний круг окружения, следовательно, не ориентировано на поддержание родственных взаимоотношений.

Заключение

Индикатором измерения степени религиозности и реальной приверженности вероисповеданию является регулярность соблюдения религиозных норм. Интенсивность религиозно-обрядовой стороны выступает основанием для анализа религиозного сознания человека в русле социологии религии Э. Дюркгейма, где основа религиозной веры заключается в ритуале и следовании обрядовому поведению.

Анализ религиозного поведения городского населения Дагестана показывает, что среди исламских предписаний, причем обязательных для исполнения, по сравнению с другими нормами, более регулярно совершается намаз, соблюдается пост и выплачивается закят при довольно низких показателях частотности посещения мечети, нерегулярном чтении религиозных текстов и соблюдении поста. Если культовое поведение подгрупп неверующих и убежденно неверующих поддается объяснению, то можно сделать вывод о существовании в подмассиве убежденно верующих и верующих когорты, которую вполне оправданно можно, по классификации Н.П. Алексеева причислить к «пассивным», впрочем, как колеблющихся к «последовательным и непоследовательным», что выражается в совершении «от случая к случаю намаза» (одна треть респондентов), соблюдении, хотя и редко «религиозного поста» (каждый второй) и выплате закята (каждый третий опрошенный). Кроме того, можно отметить, что подгруппы неверующих могут быть отнесены к пассивным, ибо, во-первых, они не занимаются активной атеистической деятельностью, более того, каждый третий в подгруппе неверующих «редко, но посещают мечеть» и каждый шестой опрошенный «от случая к случаю молятся», впрочем, как и одна девятая часть убежденно неверующих; далее, одна шестая из подгруппы

неверующих и убежденно неверующих «иногда соблюдают пост», а каждый пятый ассоциирующий себя как убежденно неверующий, хотя и нерегулярно, но выплачивает религиозный налог (закят). Поэтому эмпирические данные являются основанием для вывода о существовании определенной несогласованности между обозначением между разными группами своего отношения к вере и характерному им культовому поведению. Убежденно верующие, верующие, убежденно неверующие и неверующие демонстрируют культовое поведение характерное колеблющимся при одновременном обозначении своей принадлежности исламу и необходимости следования мусульманским нормам.

Активность религиозного поведения и мировоззренческие установки городского населения республики не соответствуют друг другу, что позволяет в определенной степени согласиться с позицией о «причастности к религии значительной части населения только на вербальном уровне» (Ж.Т. Тощенко). Коллективное соблюдение ритуалов способствует формированию чувства группового единства и обеспечивает консолидацию и среди таких ритуалов в исламе можно выделить практику обязательной групповой молитвы по пятницам, а также таравих-намаз во время священного для мусульман месяца Рамадан. Коллективное участие в религиозных обрядах позволяет членам религиозной общины демонстрировать свое единство, а также является выражением их религиозной идентичности.

Проведенное исследование показывает, что опрошенное городское население в некоторой степени демонстрирует формальную религиозность, которая проявляется через совершенно противоположные установки: 1. равнодушие к вероучению, 2. демонстративное соблюдение его религиозно-обрядовой части. Таким образом, по всему массиву в массовом сознании опрошенного городского населения Дагестана с заметным отрывом превалирует позиция, показывающая характерное колеблющимся культовое поведение.

Литература

- Алексеев, Н.П. (1967). Методика и результаты изучения религиозности сельского населения (на материалах Орловской области). *Вопросы научного атеизма*. М.: Мысль, 3, 131 – 150.
- Гараджа, В.И. (2003). Религия. *Социологическая энциклопедия: в 2 т.* / Под ред. В.Н. Иванова. М.: Мысль.
- Ерекешева, Л.Г. (2008). К анализу социологии религии Э. Дюркгейма. *Социологические исследования*, 12, 117 – 126.
- Крылов, А.Н. (2012). *Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве*. 2-е изд. М.: Икар.
- Ильясов, Ф.Н. (1987). Религиозное сознание и поведение. *Социологические исследования*, 3, 50 – 55.
- Лебедев, С.Д. (2005). Религиозность: в поисках «рубикона». *Социологический журнал*, 3, 153 – 168.
- Локозов, В.В., Синелина, Ю.Ю. (2008). Взаимосвязь религиозных и политических ориентаций православных россиян. *Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах)* / Отв. ред. М.П. Мchedлов. М.: Институт социологии РАН, 135 – 158.
- Мchedлова, М.М. (2009). Религиозная идентичность в современных социально-политических процессах в России и Европе. *Вестник Московского Университета. Серия 12: Политические науки*, 3, 95 – 102.
- Мchedлов, М.П. (2005). *Религиоведческие очерки. Религия в духовной и общественно-политической жизни современной России*. М.: Научная книга.
- Павлова, О.С., Миназова, В.М. и Хухлаев, О.Е. (2016). Религиозная идентичность студентов-мусульман (на материале изучения молодежи, проживающей в Чеченской республике). *Культурно-историческая психология*, 12 (4), 90 – 99. <https://doi.org/10.17759/chp.2016120409>.
- Рыжова, С.В. (2017). Религиозность в контексте культуры доверия. *Социологический журнал*, 23(3), 44 – 63. <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.3.5363>.
- Синелина, Ю.Ю. (2009). Православные и мусульмане: сравнительный анализ религиозного поведения и ценностных ориентаций. *Социологические исследования*, 4, 89 – 97.
- Угринович, Д.М. (1985). *Введение в религиоведение*. М.: Мысль.
- Тощенко, Ж.Т. (2003). Парадоксы религиозного. *Реформирование России: реальность и перспективы*. М.: Ин-т социал.-полит. исслед. РАН, 301 – 325.
- Яблоков, И.Н. (1979). *Социология религии*. М.: Мысль.

Allport, G.W. (1966). The Religious Context of Prejudice. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 5 (3).

Allport, G.W., Ross J.M. (1967). Personal religious orientation and prejudice. *Journal of Personality and Social Psychology*, 5 (4).

Как принять мусульманскую веру. Режим доступа: <https://www.kakprosto.ru/kak-70267-kak-prinyat-musulmanskuyu-veru/>.

References

Alekseev, N. P. (1967). Methodology and results of studying the religiosity of the rural population (based on materials from the Oryol region). *Matters of scientific atheism*. M.: Mysl, 3, 131 - 150.

Garadzha, V.I. (2003). Religion. *Sociological encyclopedia: in 2 volumes*. / Ed. V.N. Ivanova. M.: Mysl.

Erekesheva, L.G. (2008). To the analysis of the sociology of religion É. Durkheim. *Sociological research*, 12, 117 - 126.

Krylov, A.N. (2012). *Religious identity. Individual and collective self-awareness in the post-industrial space*. 2nd ed. M.: Ikar.

Ilyasov, F.N. (1987). Religious consciousness and behavior. *Sociological research*, 3, 50 - 55.

Lebedev, S.D. (2005). Religiousness: in search of the "Rubicon". *Sociological journal*, 3, 153 - 168.

Lokosov, V.V., Sinelina, Yu. Yu. (2008). Relationship between the religious and political orientations of Orthodox Russians. *Religion in the self-awareness of the people (religious factor in identification processes)* / Ed. M.P. Mchedlov. Moscow: Institute of Sociology RAS, 135 - 158.

Mchedlova, M.M. (2009) Religious identity in modern socio-political processes in Russia and Europe. *Bulletin of Moscow University Bulletin. Series 12: Political Sciences*, 3, 95 - 102.

Mchedlov M.P. (2005). *Religious essays. Religion in the spiritual and socio-political life of modern Russia*. M.: Nauchnaya kniga.

Pavlova, O.S., Minazova, V.M., Khukhlaev, O.E. (2016). Religious identity of Muslim students (based on the study of young people living in the Chechen Republic). *Cultural-Historical Psychology*, 12 (4), 90 - 99. <https://doi.org/10.17759/chp.2016120409>.

Ryzhova, S.V. (2017). Religiousness in the context of culture of trust. *Sociological journal*, 23(3), 44 - 63. <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.3.5363>.

Sinelina, Yu. Yu. (2009). Orthodox and Muslims: A Comparative Analysis of Religious Behavior and Value Orientations. *Sociological research*, 4, 89 - 97.

Ugrinovich, D.M. (1985). *Introduction to Religious Studies*. M.: Mysl.

Toshchenko, Zh. T. (2003). The paradoxes of the religious. *Reforming Russia: Reality and Prospects*. M.: Institute of Socio-Political Research RAS, 301 - 325.

Yablokov, I.N. (1979). *Sociology of religion*. M.: Mysl.

Allport, G.W. (1966). The Religious Context of Prejudice. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 5 (3).

Allport, G.W., Ross J.M. (1967). Personal religious orientation and prejudice. *Journal of Personality and Social Psychology*, 5 (4).

How to accept the Muslim faith. Access mode: <https://www.kakprosto.ru/kak-70267-kak-prinyat-musulmanskuyu-veru/>

Дата получения рукописи: 13.08.2021

Дата окончания рецензирования: 20.09.2021

Дата принятия к публикации: 28.09.2021

Информация об авторе

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН

E-mail: madina2405@mail.ru

Information about the author

Shakhbanova Madina Magomedkalimovna – Doctor of Sociological Sciences, Leading Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

E-mail: madina2405@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов